

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: sj@ngs.ru

КОНЦЕПТОСФЕРА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДОМИНАНТЫ И МЕТОДЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

В данной статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты исследования этнической картины мира, являющейся, по мнению автора, результатом наложения этнических констант – бессознательных базовых установок, и этнокультурных доминант, отражающих эти установки на определенном этапе этногенеза. В статье рассматриваются способы изучения этнокультурных доминант с привлечением английского иллюстративного материала эпохи рыцарской культуры.

The article is devoted to the methods of research of the ethnic world picture formed as a result of both conscious and unconscious images in the mentality of a particular ethnic community. The unconscious sphere is formed by the system of ethnic constants – basic components of culture; whereas the conscious sphere is represented by ethno-cultural dominants – cultural sets motivating human behaviour at a certain period of ethogenesis. The author's illustrations are based on evidence from the English era of knightly culture.

Взаимосвязь языка, сознания, культуры и этноса – одна из актуальных теоретических проблем современного языкознания. Язык – уникальная кодирующая опыт поколений система. Этнос приспосабливается к окружающему миру, давая объектам действительности названия, т. е. приписывая с помощью знаков культурные значения этим объектам и тем самым находя им место в мироздании. Эта способность к символизации и категоризации и отличает человека от всех других существ. Изменения в окружающей действительности находят отражение в языке: система языка чутко реагирует на эти изменения и адаптируется под воздействием внешних факторов. Чтобы наиболее полно понять механизм развития конкретного языка, следует рассматривать лингвистические процессы с учетом факторов этногенеза. Именно в процессе этногенеза формируется этнокультурный тип народа с присущим только ему образом жизни, национальным характером, культурными особенностями и ценностными приоритетами.

Культура, как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский [Лотман, Успенский, 2000], впрочем, как и язык, является сложной семиотической системой. Как формы сознания, язык и культура взаимно включают друг друга и отражают мировоззрение людей, являющееся «ярким показателем этноса и этнических образований» [Толстой, 1995. С. 29]. Современные этнолингвистические исследования направлены на выявление этнического своеобразия «плана содержания»

культуры, на моделирование процесса культуросозидательной деятельности конкретного этноса. При таком подходе культура понимается как творческая семиотическая деятельность этноса, в которой взаимодействуют творческие и разрушительные процессы [Шапошникова, 2006. С. 191].

Этнолингвистика и лингвокультурология развиваются в тесном взаимодействии с исторической этнологией (в контексте нашего исследования особенно значимыми представляются этнологические работы Л. Н. Гумилева, С. В. Лурье и др.). Историческая этнология занимается разработкой теории этногенеза на основе исследования этнической картины мира как основополагающей компоненты этнической культуры.

Проблема изучения этнической картины мира в аспекте взаимодействия этнокультурных и языковых процессов находит отражение в этнолингвистических и лингвокультурологических работах Н. В. Уфимцевой, И. В. Шапошниковой, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, В. И. Постоваловой и др.

Что же понимается под этнической картиной мира? Следует отметить, что при общей отнесенности различных определений к, казалось бы, одному и тому же объекту различие в понимании самого объекта обусловило вариации в этом направлении. Итак, *этническая картина мира* (которая иногда называется просто *картина мира*) – это отражение действительности в сознании человека; целостный образ мира, лежащий в

основе мировосприятия и мировидения человеком; отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающиеся сознательной рефлексии [Леонтьев, 1993]; субъективный образ объективной действительности. При наблюдающемся разбросе определений очевидно единство взглядов большинства ученых на тот факт, что этническая картина мира формируется как результат восприятия и осознания окружающей действительности. Так, например, в концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина [2002] подчеркивается, что непосредственная (национально-когнитивная) картина мира формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления. Непосредственная картина мира фиксируется вторичными знаковыми системами, образуя опосредованную (языковую) картину мира. Можно вполне согласиться, что этническая картина мира формируется как результат восприятия окружающей действительности, однако следует оговорить тот факт, что то, что подвергается осмыслению как процессу сознательной рефлексии, оседает в сознании в виде ячеек – концептов (когнитивных и культурных), образуя концептуальную картину мира; понятие же этнической картины мира намного шире, ибо последняя включает в себя как сферу осознаваемого, так и бессознательного. Так, Н. В. Уфимцева отмечает, что в «поле сознания каждого носителя данной культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознается скорее ее наличие и целостность» [Уфимцева, 2002. С. 154]. Это утверждение является принципиально важным для нашего исследования.

Сфера бессознательного образуется системой *этнических констант*, это та призма, «сквозь которую человек смотрит на мир» [Лурье, 1997. С. 228], вся поступающая извне информация подвергается тщательной критике по принципу «свое – чужое» и частично репрессируется (очевидно, из сферы «чужое»). Этнические константы – это бессознательные образы, которые лежат в основе рационализации опыта и превращают последний в элементы культуры, вытесняя те представления, которые противоречат константам или могут нанести им ущерб (например, о чужом этническом опыте), выполняя тем самым защитную функцию. С. В. Лурье называет среди них такие бес-

сознательные образы, как локализация источника добра, локализация источника зла, представление о способе действия, при котором добро побеждает зло. Константы составляют ядро, «центральную зону» культуры, ее базовые установки. Таким образом, этническая картина мира осознается только частично и в этом проявляется защитный механизм этноса – индивид не может распознать принципы, лежащие в основе распределения информации на «свое» и «чужое», и, следовательно, не может их контролировать, а тем более ими управлять.

Но если ядро этнической картины мира представлено этническими константами, что же находится вокруг этого ядра? С. В. Лурье отмечает, что сами этнические константы не содержат представления о векторе действия и его моральной оценки. Этот вектор задается ценностной ориентацией или культурно-ценностными доминантами [Лурье, 1997]. Итак, этническая картина мира является результатом наложения этнических констант и культурно-ценностных доминант. В отличие от этнических констант ценности подвержены изменениям на разных этапах этногенеза. Ценностные ориентиры, определяющие мотивацию поведения в отдельно взятый период развития этноса, образуют особую концептосферу, которую И. В. Шапошникова назвала *этнокультурной доминантой*, «поскольку она ответственна за *доминирующие* модели поведения» [Шапошникова, 2004. С. 15]. По этим моделям поведения частично можно судить и об этнических константах, так как именно они, являясь бессознательными образами, управляют нашим поведением. Понятие этнической доминанты впервые появляется у основателя этнологии Л. Н. Гумилева, который считал, что доминанта не возникает сама по себе, а появляется и меняется с фазами этногенеза. Это «мотивы... благодаря которым происходит интеллектуальное освоение непознанного и усложнение внутренней организации» [Гумилев, 2003. С. 268], иначе говоря, мотивы на действие. Понятие культурной (ценностной) доминанты встречается в работах В. И. Карасика и связано непосредственно с ценностной картиной в языке. Ценности, определяющие поведение людей, не существуют изолированно, они составляют ценностную картину мира и могут быть описаны в виде культурных концептов. Культурные доминанты – это «наиболее значимые для данной культуры смыслы,

совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2002. С. 169]. Однако под этнокультурной доминантой мы вслед за И. В. Шапошниковой понимаем не панхроническую совокупность разрозненных культурных смыслов, а цельную *концептосферу*, которая включает в себя различные ценностные ориентиры (религиозные, моральные, идеологические или военно-политические), модифицирующие исходное этнокультурное многообразие таким образом, что на его основе в ходе развития этноса рождается *новое этническое сознание*. Этнокультурные доминанты меняются во времени и пространстве и могут развиваться прототипически.

Можно сказать, что этнокультурная доминанта – это своего рода совокупность осознаваемых культурных установок как результат трансфера этнических констант в конкретную этническую эпоху (Ср.: этнические константы – базовые установки, которые не осознаются). Культурные установки, как отмечает В. Н. Телия, – это ментальные образцы, результат самопознания человека, играющие «роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик» [Телия, 1999. С. 18]. Эти духовные или социальные ориентиры обретают в культурах конкретную языковую форму и могут творчески переосмысляться последующими поколениями.

Таким образом, можно утверждать, что этническая картина мира в конкретных фазах этногенеза бытует в виде этнокультурных доминант.

Очевидно, что этническая картина мира находит отражение в конкретных (первичных и вторичных) семиотических системах, создаваемых человеком и доступных для изучения в форме концептов и соответствующих языковых знаков.

Размышляя о типе взаимодействия концептуальной и языковой картин мира между собой, И. В. Привалова приходит к выводу, что их можно рассматривать как «соотношение части и целого»: «язык, эксплицируя содержание концептуальной картины мира, делает возможным процесс передачи культурных знаний, накопленных этносом» [Привалова, 2005. С. 36].

Концентрация внимания на сугубо языковых средствах представления этнокультурного опыта дает исследователям право говорить, что каждый язык образует особую

языковую картину мира. Номинативными средствами языка вычленены и представлены («схвачены») культурные и когнитивные концепты, образующие концептуальную картину мира.

Культурный концепт как базовая единица культуры изучается с точки зрения его ценности для носителей культуры. Ценности могут быть специфичными для конкретного этноса / субэтноса / суперэтноса и общечеловеческими. Именно ценности наиболее подвержены изменениям (в отличие от этнических констант). Изменяясь, они вызывают движение доминанты и тем самым способствуют изменению общей этнической картины мира. При этом следует отметить, что новая этнокультурная доминанта формируется на основе разрушения и модификации прежней, создавая новые установки для смены устоявшихся стереотипов эпохи. В таких случаях доминанта имеет прототипическое развитие. Так, например, этнокультурная доминанта рыцарской эпохи в Англии, сохранявшая свою актуальность в период с XI по XIV в., выросла на базе общегерманской, англосаксонской и норманнской доминант в лоне рыцарской культуры, влияние которой на Англию оказалось особенно активным после Норманнского завоевания 1066 г. Новая этнокультурная доминанта формировалась в лоне христианской западно-европейской суперэтнической системы. Присвоение новых ценностей осуществлялось на базе доминант предыдущих эпох, можно сказать, что рыцарство нашло в Англии свою прототипическую родину. Германские корни рыцарства актуализировали военную сферу англосаксонской доминанты (выстроенной, в свою очередь, на базе предыдущей дохристианской общегерманской доминанты), центральными императивами которой были «верность и служение Лорду» и, следовательно, прежние мотивы войны, славы, смелости. Центральным мотивом англосаксонской христианской доминанты можно назвать «веру как верность и служение Богу». Норманнская доминанта привнесла мотив верности и служения Прекрасной Даме. Таким образом, основными мотивами доминанты рыцарской культуры являются **верность и служение Лорду, Богу, Даме**; основными семиотическими сферами соответственно – военная, христианская и куртуазная. Сама эпоха развивалась неравномерно. Три основных концепта (Лорд, Бог и Дама) выделались не

сразу и по-разному закрепились в поле доминанты.

По мере накопления этнического опыта происходит его категоризация в сознании людей. Различные этносы по-разному представляют информацию. Носители особо важной для передачи информации находятся в ядре концептосферы этнокультурной доминанты, пока этнос не сделает новый виток развития, и не выделятся новые императивы эпохи, мотивирующие стереотипы поведения, закодированные, в свою очередь, в поле этнокультурной доминанты.

Концептосфера имеет целостную структуру, и представители этой сферы присутствуют в нашем сознании в виде базисных культурных концептов. При смене эпох изменение общего культурного образа вызывает переоценку оптимальности его представителей, т. е. ключевых концептов предыдущей доминанты. Когда происходит смена концептов, представление о доминанте тоже меняется. Возможен переход ядерных элементов на периферию и перемещение периферийных элементов в ядро. В результате сдвигов происходит наложение полей, внутри полей меняются связи. Иначе говоря, изменения отдельных концептов вызывают изменения в цельной системе этнокультурной доминанты (в плане устойчивости, разрушения, изменения и создания новых ассоциативных связей), которые, в свою очередь, приводят к сдвигам в этнической картине мира.

В языке этнокультурная доминанта эксплицируется следующим образом. Парадигмообразующим ядром является такая предметно-номинативная единица, которая наилучшим образом представляет центральный мотив доминанты. Эта лексическая единица на базе ассоциативных связей имплицитно включает все поле, в состав которого входят ее синонимический и словообразовательный ряд. Синонимы, дериваты и другие словообразовательные элементы, а также примыкающие к центральному представителю слова, называющие ассоциирующиеся с центральным символом явления и объекты, – это элементы лексико-семантических микропарадигм.

Когда на смену старой этнокультурной доминанте приходит новая, старые ассоциативные связи распадаются. Утрачивают свою символическую значимость и слова, некогда группировавшие парадигмы внутри лексико-семантических полей, ибо внутри этих микропарадигм происходят перегрупп-

пировки, что ведет к распаду всего поля. Все вышеперечисленные процессы не могут не отразиться на лексическом значении слов, в частности происходит сужение, расширение, улучшение, ухудшение значений и пр. Кроме того, наблюдается утрата прежних слов-символов, заимствуются новые лексические единицы для наиболее адекватного отражения сменившейся действительности.

Смена доминант служит предпосылкой перехода на иной виток развития культуры и всего этноса в целом. В частности, доминанта рыцарской культуры средневековой Англии послужила общей предпосылкой появления английской аристократии и ее прототипического представителя – джентльмена.

Следует подчеркнуть возможность и даже продуктивность периодизации конкретной этнической культуры по доминирующим ценностным установкам, ибо такая периодизация затрагивает эвристический уровень соответствующего периода, выделяет его модельные личности, позволяющие ломать устоявшийся стереотип поведения и формировать новый. С помощью этнокультурных доминант можно проследить развитие модельных личностей английского этноса в различные этнические эпохи: воин – рыцарь – джентльмен.

Исследователями неоднократно подчеркивалось, что для изучения этнических стереотипов, этнического сознания следует обратиться к «пассионарной» гипотезе Л. Н. Гумилева [Уфимцева, 1996; Привалова, 2005 и др.]. Помимо вышеперечисленного для исследования этнокультурной доминанты важным в концепции Л. Н. Гумилева является само понятие пассионарности (избыток биохимической энергии), а также пассионариев как непосредственных ее носителей (о терминах см.: [Гумилев, 2003]). Пассионарии своей деятельностью могут влиять на психологию основной массы людей, внося, таким образом, изменения в этнические стереотипы поведения. От объема пассионарности и количества пассионариев зависит преобладающая мотивация человеческого поведения на данном этапе этнического развития. Следовательно, необходимо выявить пассионариев в ту фазу этногенеза, которая представляет исследовательский интерес, в моделях их поведения, через анализ семиотики их деятельности выявить наиболее яркие, прототипические черты и смоделиро-

вать эталон – центральный мотив (т. е. ядро этнокультурной доминанты) и доминирующие стереотипы поведения (т. е. ее периферию). Так, например, для изучения рыцарской культуры в аспектах, привнесенных норманнами и прижившихся на английской почве, следует обратить внимание на Эдуарда III (1327–1377) и его старшего сына, получившего прозвище «Чёрный принц», которые считались в свое время воплощением духа рыцарства, образцами мужества в войнах и куртуазности манер в мирное время.

Следует подчеркнуть важность выделения именно таких типов, которые являются образцами поведения в культуре, в отличие, например, от «лингвокультурных типажей», которые таковыми могут и не являться (о лингвокультурных типажах см.: [Карасик, 2005. С. 57–65]). Так, например, у Дж. Чосера в прологе к «Кентерберийским рассказам» представлены именно лингвокультурные типажи того времени, типизируемые представители определенных субэтнических групп, узнаваемые по стереотипам поведения. Рассмотрим некоторые из этих прототипных образов. Портреты мельника, продавца индульгенций, сквайра и рыцаря нарисованы Чосером в контрастных тонах с использованием лексико-семантических особенностей разных регистров.

В описании мельника чувствуется, как точно заметил Дж. Хьюз [Hughes, 1989. P. 58], основательность и необузданная сила саксонской старины:

*The MILLER was a stout carl for the nones.
Full big he was of brawn,
and eek of bones ...*
[Chaucer, 1996. P. 24, № 545, 546]

*At wrastling he wold have alway the ram.
He was short-shouldred, brood –
a thicke knarre.
There was no door that he nold
heve off harre,
Or breke it at a renning with his heed.*
[Ibid. № 548–551]

Мельник был крепким малым, как я знаю;
Сильный мускулами, а также костями...
В кулачном бою он всегда получал барана.
Он был крепок, коренаст, хорошо сколочен;
Любую дверь высадил бы плечом
Или проломил бы ее,
разбежавшись, головой¹.

Продавец индульгенций отличается умением своими сладкими речами выманить деньги, причем автор несколько раз употребляет именно лексическую единицу «song», а, например, не «tellen»:

*But alderbest he song an offertorye,
For well he wiste, whan that song was songe,
He moste preech and well affile his tonge
To winne silver, as he full well coude –
Therefore he song the murrierly and loude.*
[Ibid. P. 30, № 710–714]

Но лучше всего склонял к приношениям,
Он хорошо знал, что, когда он закончит песнь,
Он должен проповедовать
и оттачивать свой язык,
Чтобы получить серебро, он в этом был искусен;
Поэтому он пел так весело и громко.

Сквайр представлен искусным в куртуазности, полным энергии молодым человеком, проходящим рыцарское обучение (в которое входило обучение всем видам аристократических искусств – от умения ездить верхом до правил ухаживания за Дамой):

A lover and a lusty bachelor
[Ibid. P. 6, № 80]

*Well coude he sit on horse and faire ride.
He coude songes make, and well endite,
Joust, and eek daunce, and well portray
and write.*
[Ibid. P. 7, № 94–96]

Влюбчивый и энергичный юнец,
Славно держался он в седле
и хорошо ездил верхом.
Хорошо сочинял песни и стихи,
Бился на турнирах, танцевал, хорошо рисовал
и писал.

Рыцарь же представлен благородным, «истинным рыцарем без изъяна». Центральной характеристикой Рыцаря является его достоинство:

A KNIGHT there was – and that a worthy man
[Ibid. P. 4, № 43]

Full worthy was he in his lordes were
[Ibid. P. 5, № 47]

And ever honoured for his worthinesse.
[Ibid. № 50]

¹ Здесь и далее приводится дословный перевод.

This ilke worthy Knight...

[Chaucer, 1996. P. 5, № 64]

...he were worthy...

[Ibid. P. 6, № 68]

То рыцарь был, достойный человек,
Достойным он был в войнах своего господина,
 И всюду его чествовали за достоинство.
 Тот же достойный рыцарь также был...
 И хоть он был столь достоин, он был умен...

Неоднократно подчеркивается благородность Рыцаря, более того, все, что относится к его образу, также обладает величием и благородством:

*Whan they were won, and in the Greete See
 At many a noble armee hadde he be.*

[Ibid. P. 5, № 59–60]

Когда их взяли; и в Великом море
 Во многих благородных войсках он бывал.

По тому, как Чосер явно иронизирует над многими образами, можно утверждать, что они не являлись образцами для подражания, тогда как о Рыцаре не говорится ничего, что бы характеризовало его как образ отрицательный, более того он назван «a veray, raffit gentil knight» (истинный, совершенный, обходительный рыцарь), т. е. Рыцарь – образ идеальный. В этом заключается его основное отличие от других персонажей. Видимо, можно утверждать, что Рыцарь – не просто лингвокультурный типаж, он является именно модельной личностью своего времени, образцом для подражания. Наверное, не случайно Чосер представляет его первым среди паломников. Центральными мотивами поведения для Рыцаря являются воинственность и галантность, представляющие основные сферы этнокультурной доминанты рыцарской культуры: воинственную и куртуазную.

В описании Рыцаря Дж. Чосер умело оперирует регистрами, чтобы подчеркнуть истинную англосаксонскую традицию (актуализирующую воинственную мотивацию доминанты), с одной стороны, и привнесенную норманнскую субкультуру (актуализирующую куртуазную мотивацию) – с другой.

*A **KNIGHT** there was –*

*and that a **worthy** man –*

*That fro the tyme that he first began
 To **riden out**, he loved **chivalrye**,*

***Trouth** and **honour**, **freedom** and **curteisye**.*

*Full **worthy** was he in his **lordes werre**,
 And thereto hadde he **riden**, no man ferre,
 As well in **Cristendom** as in **hethenesse**,
 And ever **honoured** for his **worthinesse**.*

[Ibid. P. 4–5, № 43–50]

То **рыцарь** был, **достойный** человек,
 Который с тех пор, как впервые начал
Выезжать в военные походы,
 полюбил **рыцарство**,
Правду и честь, свободу и куртуазность.
Достойным он был в **войнах**

своего **господина**,

И так он **ездил**, никто не ездил дальше,
 По христианскому и языческому миру,
 И всюду его **чествовали** за **достоинство**.

В тексте находим англосаксонские слова: knight, worthy, ridden, worthinesse, trouthe, freedom, lordes werre; французские слова: chivalrye, curteisye, honour.

XIV век в Англии – век расцвета куртуазной доминанты. Соответственно французский субстрат дает о себе знать в лексической системе: появилась необходимость называть новые явления, а для наиболее адекватного отражения действительности в целом ряде сфер деятельности приходилось пользоваться лексическими единицами французского происхождения. Однако англосаксонская традиция была настолько укоренена, что даже в куртуазном ядре рыцарской доминанты англосаксонские слова распределяются равномерно с французскими. Язык, таким образом, отразил тот дуализм, который был присущ рыцарской культуре, – воинственность, твердость, с одной стороны, и галантная утонченность – с другой.

Рыцарь представлен великим воином – Чосер отдает большую часть характеристики этого образа описанию тех мест, где побывал Рыцарь:

*At **Alisandre** he was whan it was wonne;
 Full ofte time he had the bord **bigonne**
 Aboven alle **naciouns** in **Pruce**;
 In **Lettow** hadde he reised, and in **Ruce***

[Ibid. P. 5, № 51–54]

*In **Gernade** at the seege eek had he be
 Of **Algezir**, and **riden** in **Belmarye**.
 At **Lyeis** was he and at **Satalye**...*

[Ibid. № 56–58]

В Александрии он был, когда ее завоевали.
 Очень часто он восседал за столом

Над всеми другими в Пруссии;
 На Латвию ходил он и на Россию,
 В Гранаде он был при осаде
 Алжезира, и ходил на Бельмарию.
 Под Лайасом он был и под Саталией...

Но в то же время Рыцарь описывается как мягкий, обходительный человек, что, как подчеркивает Чосер, противоречит качествам воина:

*And though that he were worthy, he was wys,
 And of his port as meeke as is a maide.
 He never yet no villainy ne saide
 In all his life unto no manner wight.
 He was a veray, parfit gentil knyght.*
 [Chaucer, 1996. P. 6, № 68–72]

И **хоть** он был столь достоин, он был умен...
 А в обращении также **мягко**, как девица.
 Он никогда **не говорил бранью**
 За всю жизнь с кем бы то ни было.
 Он был истинным, совершенным,
 обходительным рыцарем.

Обратившись к описанию окружения Рыцаря – Сквайра и Йемена, можно еще раз убедиться в том, что рыцарская культура представлена в «Прологе» Чосера двумя основными сферами: воинственной и куртуазной. Во-первых, сами лексические единицы, называющие статус спутников Рыцаря, относятся к различным с точки зрения происхождения слоям лексики: *Yeman* – англосаксонского происхождения; *Squier* – французского происхождения (O. F. esquier). Во-вторых, модель поведения Сквайра позволяет сделать вывод, что центральным мотивом его поведения является куртуазность:

A lover and a lusty bachelor...
 [Ibid. № 80]

In hope to standen in his lady grace.
 [Ibid. № 88]

*He coude songes make, and well endite,
 Joust, and eek daunce, and well portray
 and write.*

*So hot he loved that by nightertale
 He slept namore than doth a nightingale.*
 [Ibid. P. 7, № 95–98]

Влюбчивый и энергичный юнец...
 В надежде завоевать милость своей дамы...
 Хорошо сочинял песни и стихи,
 Бился на турнирах, танцевал,
 хорошо рисовал и писал.
 Так горячо он любил, что пока длилась ночь,
 Он спал не больше, чем спал соловей.

Образ Йемена представлен скудно, однако автором подчеркивается суровость облика закаленного человека («with a brown visage» – студеным ветром, солнцем опален), подробно описывается его военное снаряжение, что позволяет сделать вывод, что центральным мотивом его поведения является воинственность:

And in his hand he bare a mighty bowe.
 [Ibid. № 108]

*Upon his arm he bare a gay bracer,
 And by his side a sword and a buckler,
 And on that other side a gay daggere*
 [Ibid. № 111–113]

С ним был его большой могучий лук,
 Наручень пышный стягивал запястье,
 На одном боку был меч и щит,
 На другом боку прекрасный кинжал.

В окружении рыцаря, таким образом, – мужественный, закаленный, привыкший к трудностям суровый воин, и галантный, обходительный кавалер. Вышесказанное еще раз доказывает, что образ английского рыцаря был образцом мужества в битве и куртуазности манер в мирное время. Куртуазная и христианская сферы апеллировали к духовным и моральным качествам, внутреннему благородству, кротости, всему тому, что входило в концептосферу *gentil*. С другой стороны, исконно германская военная сфера требовала храбрости, твердости, неумолимости. Дальнейшее влияние церкви отодвинуло воинственные мотивы, рыцарство сложилось в аристократический слой общества, и *gentil* стало доминирующим мотивом поведения англичан.

Выявление доминирующих стереотипов поведения и так называемых модельных личностей данной культуры позволяет смоделировать концептосферу этнокультурной доминанты. По сути модельные личности также являются культурными концептами, следовательно, методики концептуального анализа применимы и к их изучению. Выявление же базисных концептов этнокультурной доминанты представляется достаточно сложным – культура развивается, концепты подвижны, однако временные рамки периода в фокусе исследования несколько облегчают задачу. Ю. С. Степанов [2004] отмечал, что концепты реальны в различных эпохах для разных людей, следовательно, этнокультурная доминанта объективно вы-

деляется в языке и может быть измерена. К тому же развитие этнокультурных доминант в английском случае прототипично – новые доминанты развиваются на исходном сочетании признаков и это развитие можно проследить через языковые (текстовые) средства. Идентифицировать конкретную этнокультурную доминанту на определенной стадии развития этноса через ее языковое представление становится возможным только на синхронном срезе с того периода, в течение которого эта доминанта сохраняла свою актуальность. Культурно-специфичное содержание языковых единиц, представляющих этнокультурную доминанту на языковом уровне, может быть установлено с помощью методики построения лексико-семантических полей, а также в ходе наблюдений за функционированием этих единиц в текстах эпохи [Шапошникова, 2004]. Вопрос о применимости такой методологии к нашему объекту в различных этнических системах требует отдельного рассмотрения.

Сложность изучения категории этнокультурной доминанты состоит в том, что это сущность абстрактная, и изучать ее можно только косвенно – в частности, наблюдением (прямым и экспериментальным) за фрагментами поведения людей, за семиотикой их деятельности. Как уже говорилось, по моделям поведения можно не только выявить этнокультурную доминанту, но и частично судить об этнических константах, так как в стереотипе поведения связь с базовыми этническими и культурными (ценностными) установками прослеживается наиболее очевидно. Следует учесть, что стопроцентной объективности в подобных исследованиях добиться невозможно из-за помех, создаваемых собственной этничностью исследователя, его собственными культурными стереотипами сознания. Стереотипы как продукт действия механизма стереотипизации представляют собой объект междисциплинарных исследований, они изучаются психологами, культурологами, когнитивистами, этнолингвистами, психолингвистами, психологами, социологами и др. Когнитологи описывают стереотипы поведения в терминах схем, фреймов, скриптов. Психолингвистические методы, в частности метод ассоциативного эксперимента (прямого и направленного), позволяют судить об оценках наиболее типичных моделей поведения и изучать их. Однако метод ассоциативного эксперимента не подходит для исследова-

ний на историческом материале в связи с отсутствием живых носителей этнокультурного сознания. Единственное, чем может располагать лингвист в данном случае, – это тексты сохранившихся памятников. Следовательно, формирование корпуса культурных текстов, подлежащих рассмотрению, – один из важнейших методических шагов. Филологическая интерпретация текстов различных периодов этногенеза позволяет увидеть, как ценностная система распределена и укоренена в сознании носителей культуры, в сравнительно-сопоставительном же плане – как эти ценности меняются с течением времени. Таким образом, этнокультурная доминанта поддается идентификации как на синхронном срезе, так и в развитии во времени и пространстве, поскольку объективируется в текстах эпохи.

Каждый новый этап жизни конкретного этноса находит свое воплощение в новой этнокультурной доминанте. У имеющих длительную историю этносов возникновение новых этапов развития этнической культуры, смена доминант происходит на основе переработки достижений прошлого, творческого осмысления традиций, укоренения или разрушения ценностей во всех их проявлениях. Все «ценное», взятое из наследия прошлой доминанты, становится строительным материалом для новой господствующей доминанты. Можно предположить, что новая этнокультурная доминанта является продолжением закономерного семиотического творчества этноса как с эффектом кумуляции ценностной части прежней этнической картины мира, так и с ее частичным разрушением.

Таким образом, исследование категории этнокультурной доминанты в рамках лингво-этнического подхода исходит из понимания культуры как стихийной творческой (семиотической) деятельности этноса, направленной на созидание духовных ценностей, формирующих этнокультурные типы сообществ людей.

Список литературы

- Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис Пресс, 2003. 560 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик В. И. и др. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. 352 с.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16–22.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера / Под ред. Ю. М. Лотмана. СПб.: Искусство, 2000. С. 485–503.

Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 60 с.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации). М.: Гнозис, 2005. 472 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Уфимцева Н. В. Русские: еще один опыт самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139–161.

Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука, 2002. С. 152–170.

Шапошникова И. В. Концепция подготовки специалиста-исследователя высшей квалификации филологического профиля / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. 114 с.

Шапошникова И. В. Методология лингвистических исследований в России. Второй Сибирский лингвистический семинар руководителей научных проектов и школ // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 186–198.

Chaucer G. The Canterbury Tales. Penguin Books, 1996. 342 p.

Hughes G. Words in Time. A Social History of the English Vocabulary. Oxford, 1989. 270 p.

Материал поступил в редколлегию 23.09.2006